

ДНЕВНИКИ Е.А. МРАВИНСКОГО

Евгений
МРАВИНСКИЙ

Записки на память
Дневники 1918–1987

Издательство

В минувшем 2003 году в связи со 100-летием со дня рождения Евгения Александровича Мравинского почитатели его непревзойденного искусства были щедро вознаграждены: юбилейной — подарочной — серией компакт-дисков, запечатлевших исполнение Заслуженным коллективом республики, симфоническим оркестром Ленинградской филармонии под управлением Мравинского шедевров мировой классики — партитур Бетховена, Брамса, Моцарта, Вагнера, Шуберта, Чайковского, Шостаковича; показом нескольких телефильмов из 10-серийной эпопеи, подготовленной на студии “Экран”; фестивалями в честь великого дирижера XX столетия, конкурсами юных исполнителей имени Мравинского; газетными и журнальными публикациями. К этим впечатляющим свидетельствам вечно живо искусство дирижера добавились недавно выпущенные в свет “Записки на память” (Дневники. 1918–1987).

Мравинский вел дневниковые записи регулярно, на протяжении 70 лет. Для него, по его собственному признанию, это был “материал — для чего-то, что когда-нибудь напишется, чтоб еще раз прикоснуться к прожитому, осознать происшедшее, а иногда — и часто — просто жаль забыть куски жизни, коли они сами-то канули в Лету”. “Записки на память” Мравинский фиксировал подчас на всем, что попадалось под руки — на клочке бумаги или в блокноте, который умещался в кармане пиджака. “Это была скоропись, пестрящая кодовыми значками, — отмечает во вступительной статье Александра Михайловна Вавилова-Мравинская. — Правда, отдельные черновики аккуратно переписывались Е.А., но и то, как правило почерком “для себя”, с сокращениями”. Мне довелось видеть оригиналы дневниковых записей Мравинского, его красивый каллиграфический, но не легко читаемый почерк, и я могу оценить и низко поклониться Александру Михайловичу за проделанный ею титанический текстологический труд. Не один год готовилась она к осуществлению задуманной публикации Дневников, тщательно отбирала материал, вплотную погрузившись в него в середине лета 2002 года (пишущую машинку в ее руках с успехом заменил компьютер).

Читатель Дневников невольно отметит большие перерывы в записях. Объясняется это тем, что значительная часть “Записок на память”, равно как и родительских писем и родовых документов погибла в годы войны, революции, исторических катаклизмов. Но и то, что чудом сохранилось, воссоздает “незауряднейшую личность, страстного человека и Богом благословенного музыканта”.

* Е.А. Мравинский. Записки на память. Дневники. 1918–1987. СПб.: “Искусство — СПб”, 2004. 653 с. Тираж 3000 экз.

До сих пор мы знали Мравинского-дирижера, создателя эталонных интерпретаций “Щелкунчика” и Пятой симфонии Чайковского, Пятой, Седьмой, Восьмой, Десятой симфоний Шостаковича, Девятой Брукнера, Шестой Бетховена, “Аполлона Мусагета” Стравинского, Тридцать девятой симфонии Моцарта, оркестровых фрагментов из тетралогии Вагнера “Кольцо Нибелунгов”... Теперь, благодаря Дневникам, мы открываем для себя Мравинского-писателя, обладавшего даром сродни прищвинскому — та же точность слова, глубина и емкость мысли, высокий поэтический настрой — истинное волхование словом. А еще восхищаемся его эрудицией, удивительными познаниями в разных сферах — религии, философии, науки, (“природоведение — моя вторая специальность”), знанием многих языков. В архиве А. Вавиловой-Мравинской хранятся тысячи фотографий, отснятых за многие десятилетия Мравинским. В книгу вошла лишь малая часть этого уникального материала, зафиксированного талантливым и зорким фотхудожником, истинным поэтом природы. С большим тщанием и с глубокой мыслью отобраны в книге фотографии в виде пяти альбомов, каждый из которых имеет название, а сопутствуют ему строки из автобиографии Мравинского. Amoroso. Cantabile. Appassionato. Con anima. Maestoso — как части симфонии человеческой жизни.

Прислушаемся к автору талантливой вступительной статьи, предваряющей Дневники Мравинского, к вопросу, обращенному прежде всего к самой себе и к тем, кто будет читать эту книгу: “Какие силы, кроме Бога, правила душой музыканта и бережно несли его над бурями земными и страстями человеческими? Дневник — сокровенная исповедь, пристанище совести и собеседник — ответит многим слушающим его сегодня и знавшим только по

незабываемым концертам потрясающей повестью Правды”.

И в заключение — несколько фрагментов из “Записок на память” Е.А. Мравинского.

3 мая 1918

Был на “Валькирии”: Дрожь меня пробирала!

4 сентября 1920

Каким мне надо быть: хладнокровным, обдуманым, сдержанным, наблюдательным. О сдержанности: на людях осторожная, тактичная сдержанность; с женщинами выбор и тактика, до некоторой степени можно дать волю чувству, но первое — это разум.

26 июня 1927

Спустился к реке; с другого берега из земных застывших контуров кустов и деревьев лилась песня малой птички. Сколько силы в ней звучало: могучая любовь, земная сила пели в ней, рассыпались в трелях и громких щелканьях и повистах смелым, дерзким вызовом; вызовом миза немому оку ночи и бледному небу с дрожащей в нем звездой. Вызовом сочным и гордым в силе своей. И невольно вспомнился соловей, пред которым благоговел и плакал даже жестокий и не знающий сомнений китайский богдыхан; могучий властелин, преклонившийся пред более могучим даром маленькой гортани серенькой, незаметной птички.

А сейчас — только тишь. Только ночь. Ощущаю в душе льющиеся в нее новые, свежие струи, будящие новые, свежие силы глубины самой души; и боюсь радоваться, чтоб не спугнуть, не ослепить их радостью своей. Трепещет мысль и трепещет в ней слово: **Да будет воля Твоя.**

1 декабря 1944

Остался дома и весь вечер занимался: проиграл почти всю Десятую Брукнера (обидно, как забывается — в частности трудность темповых нюансов в 3-й ч.). Затем начерно продумал и восстановил форму и драматическую линию Восьмой Шостаковича (потрясает с каждым разом все глубже. Особенно линия Великого Ужаса... 1-й части!!)...

21 июня 1953

Множество мыслей: о великих обобщениях самого, конечно, гениального, исконно русского композитора — Мусоргского (например, в “Марше” Самозванца — как звучащая поступь “часов” истории Руси в бескрайности еловых лесов); еще раз вспомнилась решающая роль в силе впечатления от искусства **родственных связей**; ясно увиделись, что не только язык словесный поэтому, но и образный, количественно крайне ограничен в возможностях быть “понятым”... и что, следовательно, высказывания искусства — высказывания почти что “для себя” и т. д. Но и другая вспоминалась мысль: люди “хороши” в действии и неприемлемы — в рассуждениях и регламентации действий. В “действии” (например, в непосредственном состоянии слушания музыки) люди, вероятно, способны подсознательно касаться глубин, но никогда почти не способны осознать их и фиксировать их впоследствии. Отсюда невыносимость суждений “публики” о музыке; сами “не ведают”, чего коснулись.

Заодно портрет ранней юности — в выражении лица — всегда несет некое “видение” будущей жизненной кульминации, всегда как бы устремлен к ней. Портреты старости, наоборот, как бы устремлены вспять: к той же кульминации, как к минувшему. Очень редко, когда портрет молодого лица самоуглублен, а портрет старого человека глядит “вперед”. Когда это бывает, то портрет всегда принадлежит человеку незаурядного Духа.

29 июля 1987

...слушание моих записей Чайковского... Впервые ощутил всю мощь мной содеянного... и ныне живущего! Коп: “Как все понятно и как же все просто!”. Разошлись поздно, в ночи, под шорох неугомонного дождя, унося с собой великую значительность пережитого вечера и ликов Шостаковича и Чайковского.

Алла Григорьева

Рос. муз. академия — 2004 — № 7-8 (июль-авг.) — с. 15

Мравинский Евгений Александрович (1918-1987)